

ЛЕОНИД КОРЫЧЕВ

ОТСТУПНИКИ

Леонид Корячев

Отступники

«Издательские решения»

Корычев Л.

Отступники / Л. Корычев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830464-4

Прежде всего это книга о людях. О нашем огромном потенциале и о том, как бездарно мы его растрчиваем. О нашем прогрессе, не способном до сих пор вывести нас из каменного века. О наших ложных ценностях и нездоровом обществе. О нашей беспомощности и глупости. Эта книга также об иных мирах, загадочных существах и головокружительных приключениях, о дружбе и, быть может, о любви и, вероятно, совсем немного о Ненависти.

ISBN 978-5-44-830464-4

© Корычев Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Отступники	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Отступники

Леонид Корычев

© Леонид Корычев, 2016

© Василий Клочков, иллюстрации, 2016

Редактор Лидия Оганесян

ISBN: 978-5-4483-0464-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой читатель! Прежде всего хочу напомнить о том, что основное и единственное предназначение любой книги – быть прочитанной. Других предназначений у книги нет. Я стремился писать о «сложных» вещах легко, задорно и интересно. Какие именно чувства и мысли написанное мной вызовет у каждого конкретного читателя, мне неизвестно. Если по какой-то причине вам придётся не по нраву прочитанное, вы всегда можете просто закрыть книгу и более к ней не возвращаться. Если по какой-то причине прочитанное вам придётся по нраву, вы всегда можете порекомендовать книгу другим читателям.

Дополнительная информация об авторе и произведении, а также способы обратной связи и иллюстрации находятся в конце книги в разделе «Бонус».

Выражаю огромную благодарность и безграничную признательность всем людям, помогавшим мне работать над книгой. Потрясающему редактору Лидии Константиновне Оганесян. Прекрасному и талантливому художнику Василию Клочкову, помогавшему с обложкой, иллюстрациями и разработкой персонажей. Маленькому Инфантильному Кобельку, Скоту Томасу и Альбатросу Мутанту, а также остальным многочисленным людям, ставшим прототипами персонажей.

Любые имена и сходства с реальными людьми, событиями и странами вымышлены или используются в целях пародии.

Отступники

О! Ну просто великолепно! На улице ни черта не видно, вдобавок порядочный эффект непроницаемого мрака усиливается разбушевавшейся пургой. Март в этом году был больше похож на январь. Мой ноутбук только что скоропостижно скончался по непонятным мистическим причинам. Мне не удалось принять душ, ибо ванна начала харкать в меня из своих недр какими-то таинственными чёрными ошмётками неизвестной субстанции вместе с водой. Вантуз принял героическую мученическую смерть во время борьбы с образовавшимся засором, но дело, в сущности, только усугубил.

Я, конечно, соглашусь, что в один день, а точнее, вечер, может случиться немыслимое количество мелких, раздражающих чрезвычайно неурядиц, но даже того немногого было достаточно, дабы порядком меня взбесить.

Что я могу сказать про себя? Мне двадцать пять, последние пять лет я живу в этой квартире один, я недолюбливаю людей, а тем более кошек, и я постоянно ворчу. Нетрудно догадаться, что у меня совсем немного друзей. Единственный человек, с которым я поддерживаю отношения, отдалённо напоминающие подобие дружбы, в последнее время просто бесит меня, и я всерьёз подумываю его убить.

Я зову его Маленький Инфантильный Кобелёк. Он довольно мил, немного младше меня, хоть и выглядит на добрых пять лет старше, безобиден и имеет много общего со всяким годовалым ребёнком. Тотальное отсутствие разума и зачатки силы воли, лысую голову и капризную натуру, ни одной зрелой мысли, зато бесчисленное множество желаний. Впрочем, надо отдать ему должное, ибо он единственный, кто в состоянии терпеть мои ворчания часами. С другой стороны, у него в этом есть свой интерес.

Вот мы прогуливаемся вечером по одной из аллей. Я по обыкновению сосредоточен и угрюм, а мой компаньон рассеян и беззаботен. Я веду монолог, суть которого сводится к уничтожению девяноста пяти процентов популяции Земли для решения большинства проблем современного мира. Я не удосуживаюсь визуально контролировать степень его внимания к моим речам, так как полностью поглощён изложением и не вижу ничего вокруг. Через какое-то время, смачно причмокнув, он оборачивается вслед за какой-нибудь прошедшей мимо феминой. Я совершенно уверен, что в такие моменты его глаза блестят. Моё воображение каждый раз дорисовывает подобающий в таких случаях высунутый язык и воспроизводит негромкое жалобное поскуливание.

Компаньон, пытается обратить моё внимание на достоинства той или иной фигуры, но я беспощаден и неумолим. Тогда спутник начинает страдать. Испытываемое им аналогично переживаниям жиртреста в кондитерском отделе, мучительно осознающего близость желанного объекта, но понимающего невозможность его получения, ибо коварный магазин отпускает торты в зависимости от веса клиента. Однако страдания прекращаются довольно быстро, жиртрест перекочёвывает в соседний магазин с более лояльными правилами, тут же забывая о случившемся пять минут назад.

Пытка возобновится, когда один торт будет пожран и возникнет необходимость в другом. Словно осёл, вечно стремящийся за морковкой, мой друг бесцельно существовал от одного мучения к другому. В ампула несчастного титана-страдальца он пребывает всю свою сознательную жизнь.

Многие позавидовали бы его проблемам, обычно они так или иначе сводятся к поиску «торта» и терроризированию меня идиотскими вопросами, предпочесть ли, например, сегодня вишнёвый «торт» клубничному. В размазывании ограниченного количества соплей по бесконечной поверхности мой друг стал бы чемпионом. Его способность растягивать временные рамки очередного апогея маразма должна заинтересовать физиков, изучающих время.

Иногда, конечно, пребывая в благоприятном расположении духа, Моё Высочество могло снисходительно выслушать какое-нибудь долгое повествование друга о том или ином торте. Независимо от услышанной душещипательной истории мой вердикт оставался неизменным: девяносто пять процентов людской популяции подлежало уничтожению, но помимо этого я приходил к мысли, что, пожалуй, не отдал бы своего собеседника в лабораторию для опытов.

Вот в таких бесформенных демагогиях и проходило в основном моё время. Некогда я общался с куда большим числом людей, но пришёл к выводу, что для их же безопасности будет разумнее изолировать себя от них. Понимание невозможности кого-то пытать удручало меня тем сильнее, чем ближе я находился к источнику, побуждающему к такому поведению.

Так чем же я принципиально отличаюсь от многочисленной армии подобных, озлобленных на жизнь, вечно недовольных, ворчащих молодых людей? Ничем. Надеюсь, что мне более не придётся возвращаться к этому вопросу, и я могу продолжить свой рассказ.

Сколь сильно человек не провозглашал бы собственную независимость и не ставил бы свою индивидуальность над остальными на недосягаемый пьедестал, он всё равно в минуты нужды станет искать поддержки у себе подобных. Правда, не у всех подряд, а в первую очередь у обыденно именующихся семьёй особей. Позже, конечно, всегда можно опять начать брызгать друг на друга шипящей, разъедающей любую материю, дымящейся при этом слюной и, враждебно ощетинившись, злобно шипеть.

Моё желание всё-таки принять душ было в разы сильнее неудобств, вызванных необходимостью заворачивать тело в несколько слоёв в надежде не окочуриться на улице. Преодолев незначительные препятствия, я достиг назначенной цели. Заботливая мама не снабдила меня вантузом, но выдала некоторое количество бытовой химии для прочистки труб. Я вернулся домой, использовал жидкость согласно нехитрой инструкции и лёг спать.

Утром, воплотив в жизнь вчерашние мечты о душе, я покончил с меньшим из двух зол. Это не избавило меня от необходимости везти ноутбук в ремонт.

Мне никогда не везло во всяких розыгрышах ценных призов, лотереях и викторинах, да я никогда и не рвался участвовать в них. По заведённому в необъятном безвременье, именуемом жизнью, порядку такое вопиюще дерзкое поведение возмутительно. Каждый прожитый день потенциально повышает вашу вероятность сорвать хотя бы маленький джекпот, причём явно не тот, на который вы рассчитывали.

Покуда я перемещался в сторону сервисного центра, размышления о ничтожности шансов поломки нового ноутбука ровно через две недели после покупки тешили моё самолюбие, вызывая чувство принадлежности к меньшинству, ибо покупающих всегда значительно больше, чем сдающих назад.

Я очень гордился своим статусом избранного в то утро. Процедуру госпитализации поломанного куска железа и пластика в больницу для ему подобных я проделывал уже второй раз.

Прошло чуть больше месяца с момента покупки, две недели из этого времени мой неодушевлённый питомец провёл в стационаре. Ещё тогда в феврале в мою душу закрались подозрения, что вероятнее всего его придётся вовсе усыпить, то есть сдать обратно, но я мужественно гнал от себя такие кощунственные измышления. К тому же по закону я не могу так сделать, пока этот кусок навоза не подведёт меня три раза.

Благополучно перенеся вторую операцию, затянувшуюся до апреля, пациент продержался на домашних харчах три дня, после чего возникли осложнения, молниеносно трансформировавшиеся в рецидив. Я совершенно охладел к своей бракованной собственности и уже не сомневался в возникновении в не столь отдалённом будущем необходимости избавиться от неё тем или иным способом.

В конечном счёте я провозился с ноутбуком до мая. Наконец настал счастливый день, на руках у меня было техническое заключение. Его я не удосужился прочесть, но это не умаляло способности этой бумажки содействовать возврату денежных средств.

Погода стояла тёплая, теплее, чем можно ожидать в мае, и солнечная. Благодаря этому снег сошёл быстро, хоть и не так давно, а посему обилие света пока ещё воспринималось как нечто экзотическое. Даже такие косные ворчуны, вроде меня, не могли противиться соблазну иногда бросать короткие взгляды по сторонам. Это-то меня и сгубило.

Вернув деньги за старое изделие, я тут же отправился покупать новое. Сладостное предвкушение наполняло мою душу лёгкой тревогой. Я размышлял о невозможности войти в одну реку дважды и повторно совершить неудачную покупку. Выбор модели был произведён мной заблаговременно.

Торговые ряды электронного рая, в который я попал, пестрили разноцветными огнями, разнообразными витринами и апатичными мордами неприветливых продавцов. Отовсюду раздавалась электронная музыка. Её я всегда условно делил на два глобальных жанра, первый – «тыц-пыц». Довольно популярный у подавляющего большинства моих сверстников жанр имел многочисленное число ответвлений и подвидов, в которых я всегда путался, но в целом их легко можно было бы свести к «тын-дын-дын дын-дын дын-дын», «тыц-тыц-тыц» и «тыц-тыц-пыц».

Помимо возможности банально обдолбаться и воздействовать на свои мозги разнообразной сомнительной химией, «тыц-пыц», в зависимости от подвида, конечно, давал возможность своим поклонникам забойно попрыгать, импульсивно дрыгаться, а иногда просто загадочно стоять в толпе, подняв у себя над головой руки, совершая неопределённые таинственные движения пальцами.

Второй жанр носил интригующее название «пик-пук». Идея влиять на кого-то громким звуком не нова, я лишь осмелюсь предположить, что в этом бесчестном способе воздействия на психическое здоровье «пик-пук» надолго останется вне конкуренции.

Не всякий эксперимент в музыке является «пик-пуком», зато всякий «пик-пук» непременно экспериментальный, в особо тяжёлых случаях – инновационный. Подразделять его на жанры не имеет особого смысла. У меня присутствует разумная уверенность, что современный учебник психиатрии значительно помог бы в этом.

Сама музыка не представляется чем-то отличным от случайного, бессистемного, а зачастую бессвязного набора шизофренических звуков разной степени тяжести и тягучести. Она идеальна для катания на розовых слонах по радуге, общения с внеземлянами, путешествия по параллельным астральным вселенным. Лично мне под неё всегда хочется впасть в депрессию и застрелиться.

Искусно лавируя между выскакивающими из-под земли замороженными не то голодом, не то активной ночной жизнью молодыми людьми, я продвигался к цели. Деликатно изображая на своём лице не то признаки наивного дебилизма, не то простодушного слабоумия, я препятствовал их попыткам заарканить меня в стадо массовой прогрессивной культуры. Ничто не могло сбить меня с намеченной цели.

Без непредвиденных осложнений совершив покупку, безусловно, обрадовавшись новому приобретению, я вознамерился отправиться домой. Я мысленно проложил обратный маршрут, по которому и стал следовать. Мне почти удалось покинуть злополучные торговые ряды, да решил сделать небольшой крюк – заскочить в книжный магазин.

Около входа в это заведение я и встретил её. Таинственная незнакомка неопределённого возраста стояла почти неподвижно. Её скептический взгляд блуждал по сторонам. Благодаря тотально бесстрастному лицу она сильно смахивала на фантастически реалистическое скульптурное изваяние. Спокойствие и уверенность, не свойственные женской натуре пульсировали от неё волнами в разные стороны, заставляя воздух рядом с ней будто бы гудеть и вибрировать. Очаровательные черты лица и изумительные пропорции тела отчего-то настораживали. Трудно было сомневаться в её способности остановить слона на скаку вопреки наличию умо-

помрачительного маникюра и гладкой, пышущей здоровьем кожи, хоть признаки пригодной для подобного подвига мускулатуры отсутствовали начисто.

У современных женщин довольно модно выглядеть в двадцать лет как сорокалетняя, обнюханная кокаином проститутка с десятилетним стажем употребления. В сорок же лет многие наоборот следят за собой настолько щепетильно, что достоверно вычислить их возраст по внешним признакам задача нетривиальная. С равным успехом незнакомке могло оказаться двадцать лет или, скажем, тридцать пять.

Среднего для женщины роста, опрятно одетая. Трудно понять что конкретно побуждало присматриваться к ней, наверное, всё. Меня невозможно записать в стан героев-любовников, а мой успех у противоположного пола заключается только в том, что они разбегаются прочь на все четыре стороны, как черти после заутренней, уже через десять минут общения.

Частично этому, наверняка, способствует моё отношение к ним как к двуличным тварям и в целом низшим существам. С другой стороны, как ещё я должен относиться к созданиям, выражения лиц которых в подавляющем большинстве случаев напоминают недовольный кирпич? Притягательная внешняя обёртка нередко оказывается полой. Попытка вести вразумительную беседу с человеком-фантиком превращается в лицезрение титанических умственных усилий, однако, не способных породить нечто большее, чем непрерывную словесную дефекацию.

В обществе женщин мне непременно становится скучно. Терпеть чужие нелепые бредни, при возможности поделиться с окружающими своими, куда более интригующими, что за вздор?

Мне памятен случай, полагаю, наглядно иллюстрирующий многостороннюю подоплёку данного вопроса. В одну из наших многочисленных совместных прогулок с Маленьким Инфантильным Кобельком он заметил двух самок. Поскольку основная аксиома его мира звучит как «я неотразим», то мы просто обязаны были совершить попытку навязать им своё общество.

Я не хочу сейчас углубляться в размышления о личном восприятии сложившейся действительности. Изначально мне была явственно очевидна обречённость на провал наших стараний. Вообще, я терпеть не могу знакомиться с кем бы то ни было методом стихийных наскоков. Искренне убеждён, что это унижает моё человеческое достоинство. Мне весьма редко доводилось видеть адекватное восприятие подобных попыток знакомства. В основном другая сторона скукоживается и от чего-то начинает довольно энергичную войну с ветряными мельницами. Опрыскав тебя концентратом вони скунса, вторая сторона самодовольно фыркает и удаляется.

Любому здоровому человеку не доставляет удовольствия отмываться от чужого, ничем не заслуженного зловония. Круговорот оно, впрочем, работает исправно. В тот вечер я не смог удержаться от содействия его естественной циркуляции. Нанёс, как говорится, упреждающий удар.

Каждый раз я открыто предупреждаю друга, что брать меня с собой на какие бы то ни было знакомства – затея в высшей степени идиотская. Каждый раз он игнорирует мои предостережения. Течение эволюции и обилие досадных okazji в личной жизни выработали во мне устойчивый защитный механизм, а также панический страх по отношению к любым женским особям в количестве более нуля штук.

Наблюдать за потугами друга в области охмурения зрелище, к сожалению, довольно жалкое. Он виляет хвостиком, скребёт лапкой, жалобно поскуливает, при этом трётся об ноги, как кошка. Поразительнее всего то, что иногда это срабатывает. Но не в описываемом случае. Минуты три я внимательно молча наблюдал, как диалог не клеится совершенно.

Чужая оживлённая беседа была прервана нашим появлением, а заводить новую, очевидно, не хотелось. Я бы уже давно прекратил эту пародию на частную антрепризу, но друг упорствовал. Интенсивность махов его хвоста не спадала.

Меня прорвало после блистательно оригинального вопроса со стороны девушек: «А что вам надо?». Я ответил пугающе невозмутимо и довольно искренне: «Ну, конечно же, огреть вас чем-нибудь тяжёлым по голове, затащить в кусты и изнасиловать». Девушки тут же перешли на противоположный тротуар и под непрерывающийся гомерический хохот моего компаньона изменили направление своего движения на диаметрально противоположное. Больше я никогда их не видел.

Уверен, что подавляющее большинство псевдоспециалистов уже составили мой психологический портрет. Флаг им в руки, однако мне любопытна причина, заставившая их осилить такое огромное количество написанного. Остальным, менее предвзято относящимся ко всему вышесказанному, возможно, показалось, будто я резко негативно отношусь к противоположному полу, но это отнюдь не так.

Я просто обожаю женщин и боготворю их. Правда. Честно, я не шучу. Обычно я делаю это издалека, дабы не разбить вдребезги зыбкий идеализированный образ непорочной чистой девы, вырисовывающийся у меня каждый раз накануне потенциального знакомства. Ну, или просто когда я вижу чьё-то симпатичное личико. Возможно, мои ожидания изначально завышены, так как я стремлюсь найти женщину – человека, а не самку – животное.

Я обладаю всеми качествами, необходимыми для общения с первыми, и ни одним из достоинств настоящего альфа-самца, нужных для привлечения вторых. Самый главный минус заключается в отсутствии богатых родственников, за счёт денег которых можно было бы паразитировать. И без этого у меня было бы предостаточно шансов завести экзотическое домашнее животное, если бы я умел громко рыгать, не контролировал бы свою пищеварительную систему, обладал сверхспособностью выпивать литровую бутылку водки залпом. Вопиющим с моей стороны преступлением являлось отсутствие в моём характере и натуре мелких, разъедающих человека изнутри страстей. Я оказался категорически не способен к ревности, зависти, унижению и оскорблению, к патетическим сценам, в коих, по моему разумению, смысла не присутствует. Выражаясь общедоступным языком, в список доставляющих мне наивысшее удовольствие занятий не входило желание возить заведомо более слабые существа мордой по батарее. К рукоприкладству в целом я всегда относился без энтузиазма.

Свободе кармы от серьёзно отяжеляющих её деяний, как то убийств на почве ненависти и попыток канибализма из неистовой ярости, в нынешней своей реинкарнации, я также обязан ещё нескольким факторам.

Из принципиальных соображений я не пользуюсь ни очками, ни линзами, несмотря на то, что подслеповат. Мои минус полтора и необычайно богатая фантазия позволяют мне видеть окружающих гуманоидов образами, а сосредоточенность на своих мыслях – не слышать до девяноста процентов чуши, которую они говорят. Из-за отсутствия привычки щуриться и вообще сколь-нибудь выказывать нехватку орлиного зрения, мало кто подозревал о моём физическом недостатке до тех пор, пока я сам не говорил им об этом.

На большом расстоянии я видел только непонятные силуэты, вблизи мог запросто не распознать кого-то знакомого и пройти мимо, не обращая внимания на то, что говорят вокруг. В общем, я не испытывал тяги к общению с людьми, их жизнь никогда не была для меня интересна, и даже моё физическое состояние со временем претерпело все необходимые метаморфозы, ведь в более юном возрасте я видел лучше да слышал больше.

Идя по тротуару по одной стороне дороги, я мог запросто не признать человека на другой. Я не всегда мог сделать это даже в тех случаях, когда клякса с противоположной стороны начинала энергично махать рукой, и по отсутствию рядом со мной других субъектов я умозаключал предназначенность приветственного жеста именно мне. В этом отношении неоспоримым достоинством моего друга, многократно облегчавшим мне его идентификацию, было уже упомянутое отсутствие волос на его голове.

Я сделал такое обширное отступление исключительно с целью подчеркнуть, сколь нехарактерно всё то, что последовало за встречей с незнакомкой. На чём я остановился? Ах да!

Несколько минут не без хладнокровного удивления я смотрел на незнакомку, и уже ничто не могло обмануть моё чутьё. Уверившись в том, что она создание не от мира сего, я было собрался ретироваться дальше по своим делам. Создание неожиданно повернулось ко мне всем телом и вперило свои глаза аккурат в мои. Мне невозможно было распознать их цвет. Её зрачки прятали в себе бесстрастную непроницаемую сингулярность, наверное, исключительно по этой причине обыденный в таких случаях приступ космического ужаса со мной не произошёл.

Потом сингулярность вдруг начала приближаться. Остановившись на границе пространства, которое считалось личным, незнакомка замерла абсолютно противоестественным образом. Тут же раздался её голос, производящий, как и всё в ней, двойное впечатление:

– Я ищу жильё, не подскажешь, где я могу его заполучить?

Одна из самых нелепых фраз, когда-либо слышанных мной в жизни, но через секунду я переплюнул её своим ответом.

– Понятия не имею, но можешь пожить у меня. – По нашим интонациям трудно было судить, насколько серьёзно мы относились к сказанному.

– Хорошо, – всё так же однообразно воскликнула она, и ни один мускул не дрогнул на её лице. Прежде, чем я снова открыл рот, собеседница успела попрощаться со мной, а затем энергично удалилась.

Минут пять я стоял на месте с поднятой вверх левой бровью, наморщенным лбом, неопределённо искривлённой линией губ и продолжал смотреть в пустоту перед собой. Выражение крайнего скепсиса недвусмысленно запечатлелось на моём лице. Я искренне тужился осмыслить, что же именно недавно случилось.

Решительно не обнаружив никаких к тому предпосылок, в целях сохранения личного душевного спокойствия я прибрал столь интригующие события в один из самых отдалённых и пыльных закоулков сознания под грифом «Х».

Зачастую мои фантазии носили абстрактный, глобальный, эгоцентричный характер, достаточно прочитать «Обломова», дабы сложить точное представление, о чём я говорю. Меня изредка занимали грёзы о встреченной где-то в общественном транспорте красотке в коротенькой юбочке или обтягивающих шортиках. Подобные встречи хоть и будоражили мою душу довольно сильно, однако не оставляли по себе сколь-нибудь сильного долговечного впечатления.

Часа полтора покрутив в голове встречу на разные лады, я окончательно наигрался со всем, с ней связанным, а какое-то новое впечатление или необходимость совершить некоторое деяние вышибли из моей черепной коробки все мысли о случившемся. Ничто не предвещало надвигавшегося смерча пятой категории на мой отшельнический, размеренный, «старческий» уклад жизни.

Гром среди ясного неба грянул вечером, ровно в двадцать один час двадцать три минуты. Я выполз из ванной комнаты по завершении освежающих водных процедур, знаменующих собой конец домашней тренировки. Раздался звонок в дверь. Ничего не ведая о таившемся по другую сторону входной двери, основываясь на статистических данных о подобных посещениях за предыдущие несколько лет, я осмелился предположить, что ко мне с неожиданным визитом пришёл кто-то из друзей.

Наплевав на все правила приличия, как принято иной раз между давними друзьями, я отпёр дверь с мокрыми, взъерошенными волосами на голове и в полотенце. Остолбенев, я простоял молча изрядное количество времени с каждой секундой начиная недоумевать всё сильнее. На пороге стояла встреченная мной днём таинственная незнакомка. Я услышал её бодрое приветствие раньше, нежели окончательно её опознал. Не давая мне никакой передышки, она безапелляционным шагом, по-хозяйски проследовала в недра моего жилища.

С такой неприкрытой, беззастенчивой да к тому же сверхнаглой экспансией я не сталкивался ни в жизни, ни в книгах, ни в каких бы то ни было иных источниках приобретения опыта. Совершенно не обращая на меня внимания, гостя начала производить тщательную инспекцию жилищного фонда.

Не храни она при этом гробовое молчание, уверен, мне было бы проще ей сопротивляться. Пытаться опровергать её утверждения, в конце концов выставить силой. Но никаких требований она не озвучивала, попыток добраться до содержимого шкафов или ящиков не делала.

В эти минуты всё происходящее вообще казалось мне каким-то ирреальным, причудливой галлюцинацией, порождённой больным воображением. Нет, серьёзно, только задумайтесь! Вы случайно встречаете на улице девушку, перекинувшись с ней парой фраз расходитесь, и вдруг неожиданно она материализуется на пороге вашей квартиры позже, вечером того же дня, пронесётся внутрь мимо вас, словно тайфун, и... молчит, озираясь по сторонам.

Мысленно я искал повод придраться к её действиям, возмутиться, тем самым вовлечь её в перепалку и мгновенной контратакой восстановить нарушенную целостность территориальных границ. Повод не находился. Она каким-то мистическим образом успела разуться, но обуви я нигде не находил, следовательно, не мог поставить ей в вину пачкание полов. Другие противоправные действия по отношению ко мне или моей частной собственности не предпринимались.

– Мне здесь нравится, – утвердительно продекларировала нарушительница границ.

Не поверив своим ушам, я задумчиво глянул на огромные свёртки, покоящиеся на антресоли, не получив успокоения от мысли о спрятанных в них книгах, я принялся бесцельно озираясь по сторонам. Книжки валялись на диване, на письменном столе, на кресле, иногда на стиральной машине и в коридоре, наличествуя, помимо всего прочего, в кухонных ящиках и шкафах. В центре единственной просторной жилой комнаты вечно лежал коврик для йоги, у стенки стоял велосипед и роликовые коньки. Зимой их место занимали лыжи. Утяжелители для ног висели на вбитых в стену болтах, заменяя картины. Бинты и гимнастические снаряды мелкого калибра заполняли малочисленные полки.

– У тебя хотя бы есть имя? – всё ещё стоя у открытой двери, спросил я, по-прежнему недоумевая.

– Да, но ты вряд ли его выговоришь, так что можешь называть меня, как тебе будет угодно, – две точки сингулярности опять сфокусировались на мне, их необычный фиолетовый цвет совершенно сбил меня с толку.

– Безымянная, – негромко сказал я, глядя прямо ей в глаза.

– Подходит. А как называть тебя?

– Как тебе будет угодно, – я пожал плечами.

– Хорошо, я подумаю.

– Кто ты вообще такая и откуда ты свалилась? Как ты нашла меня? – из роя жужжащих в моей голове вопросов я извлекал наиболее волновавшие меня.

– Я... издали, – невозмутимо ответила собеседница, будто женское воплощение Альфреда, заявляющего, что господина Брюса сейчас нет дома.

– Логично, – согласился я, – пойду оденусь, если ты, конечно, не против.

– Не против.

Зачем я ляпнул что-то подобное, осталось загадкой для меня самого. Полновластным хозяином не то что своей жизни, а хотя бы места своего обитания я более себя не чувствовал. Уединившись в ванной и отрёшённно натягивая на себя джинсы, я самодовольно заключил, что, пожалуй, жить стало интереснее. Вечер только начинался.

Не успел я повторно высунуть нос из ванной, как принадлежащий мне мобильный телефон начал вибрировать. Звонил Маленький Инфантильный Кобелёк. Жить определённо становилось всё интереснее и интереснее.

– Да-да? – я ответил на звонок.

– Пошли пройдемся, – перед этой фразой ещё было приветствие и озвучивание моего имени, но эту часть я опущу.

– Запросто, но перед этим настоятельно рекомендую тебе ко мне зайти, кое с кем тебя познакомлю, поверь, тебе понравится, – заявил я, обнаружив при этом Безымянную ровно на том же месте, что и пару минут назад.

В продолжение нескольких последующих минут разговора по телефону друг пытался выведать у меня подробности и испортить себе сюрприз. По обыкновению я остался непреклонен.

– Скажи, ты случайно не ненавидишь голубей? – тут же спросил я у Безымянной по окончании разговора с Кобельком.

– Нет.

– Жалко, тогда, безусловно, нет повода называть тебя Шейлой.

Да, у меня очень специфическое отношение к жизни. Во-первых, я стараюсь при любых обстоятельствах сохранять своё душевное равновесие. Во-вторых, практически мгновенно адаптируюсь ко всем неожиданно возникающим новым условиям, если они напрямую не дестабилизируют упомянутый в первом пункте покой.

Стань Безымянная наполнять квартиру звуками бессмысленной болтовни, стань она засовывать свой нос в каждый ящик, буфет, шкаф, духовку или холодильник, начни источать из себя комментарии по поводу обустройства квартиры, я непременно взорвался бы и выставил её за дверь самым беспардонным образом. Но нет, она молча стояла вот уже третий десяток минут на одном и том же месте, не делала никаких попыток заговорить со мной, лишь апатично озираясь по сторонам.

По складу ума я не имею привычки строить какие бы то ни было предположения или догадки, коли на то нет никаких оснований. Я превосходно помнил о факте таинственного появления Безымянной на пороге моего дома, но что конкретно я мог с этим поделать?

С другой стороны, меня трудно упрекнуть в навязчивом вероломном любопытстве по отношению к другим. Присовокупите к этому историю о том, как однажды я нашёл аккуратно завёрнутый, купленный мной же пакет с батоном хлеба в корзине для грязных носков, после чего я дал себе слово ничему не удивляться, и вы ещё на шаг приблизитесь к пониманию позиции пассивного соглядатая, занятой мною в складывающихся обстоятельствах.

Никаких сомнений в том, что в своё время я получу ответы на все вопросы благодаря терпению, у меня не было. Среднестатистический обитатель планеты постоянно о чём-то беспокоится. Поскольку с детства я не хотел иметь ничего общего с чем-то среднестатистическим, то степень моего беспокойства обычно зашкаливает в минусовом направлении.

Внутри каждого из нас обитает премудрый пескарь, заклиная всю жизнь проводить в тревожных заботах о собственной чешуе. С возрастом и приобретением жизненного опыта в виде нескольких плёвых шишек ситуация усугубляется многократно. Такая склизкая тварь – премудрый пескарь – живёт и во мне. Он начал было вякать о каких-то опасностях, исходивших от Безымянной.

А теперь будем рассуждать логически, основываясь на фактах. Какова надобность существу, чей маникюр явно стоит больше, чем всё, что можно вынести из моего дома, красть? Душевная болезнь? Это наиболее рациональное умозаключение, базирующееся на бесконечно коротком промежутке проведённого в обществе Безымянной времени, однако не проливающее свет на её таинственную материализацию на моём пороге. Второе предположение, конечно,

не состоятельнее первого. Она вела себя эксцентрично, бесспорно. С каких пор это достаточный повод записывать человека в стан сумасшедших?

Просто феноменальным поворотом истории стала бы попытка Безымянной причинить мне вред, похитить или даже убить. Не говоря о том, что эта затея попросту абсурдна, так ещё шанс стать чьей-то жертвой ничтожно мал, для этого нужно родиться невероятно «удачливым». Я не специалист в подобных вещах, но, кому интересно, попробуйте подсчитать на досуге вероятность быть убитым в собственном доме неизвестной девушкой. Если цифра вас не впечатлит, то добавьте ещё параметров, например, какова степень возможности попавшему ранее в автокатастрофу, купившему неисправный ноутбук молодому человеку, проживающему самостоятельно, сделаться жертвой сбежавшей из психиатрической лечебницы пациентки с тяжелейшим случаем какого-нибудь раздвоения личности? Коль я родился под столь щедрой звездой, то пусть всё произойдёт во сне, а инструментом забвения будет утюг.

Обо всём этом я успел подумать, покуда друг добирался до меня. Эти умственные упражнения сделали моё настроение необычайно игривым, ехидным и саркастическим. По всем признакам я был морально готов к грядущей аванюре, более того намеревался лить масло в огонь. Кобелёк не заставил себя долго ждать, просигнализовав о себе звонком в дверь уже через двадцать минут. Коварная ухмылка начерталась на моём лице. Впуская гостя, я подумал: «Начинается». Вошедший не успел углубиться внутрь квартиры, неизвестная особь женского пола, находившаяся посреди соседней комнаты, заинтриговала его чрезвычайно.

– Знакомься, это Безымянная, неопределённое время она поживёт со мной. – Я лаконично обрушил на друга всё, что мне самому было достоверно известно. – Безымянная, разреши представить тебе Маленького Инфантильного Кобелька. Безобиден, бесхитростен, безволен, бесконечно бессистемен, но необычайно добродушен, исключительно весел, совершенно не завистлив, а тем более не злобен.

Что мне действительно импонировало в моём друге, так это его способность пропускать подобные характеристики мимо ушей целиком и полностью. Подтрунивание и колкости по отношению к другим – укоренившаяся, исторически обусловленная традиция, и, кому бы что со стороны не казалось, я высоко ценю людей, способных воспринимать их адекватно.

Помимо сделанного неглубокого реверанса, Безымянная никак не отреагировала на новое действующее лицо. Не знаю, которое из обстоятельств сильнее всего подействовало на друга, вот только его лицо приобрело конфузливое выражение, а ничего не понимающие глаза перебежали от меня к Безымянной и обратно.

– Завтра мы идём подавать необходимые документы и летим регистрировать наш брак в Канаде.

Нижняя челюсть друга опустилась насколько возможно низко, увлекая за собой вниз уголки губ. Сами губы при этом не разжимались ни на миллиметр. Щеки впали, лоб разгладился, глаза становились всё больше и больше, они пестрили перемешанным разноцветным бисером высшего недоумения, брови стремились занять перпендикулярное положение.

Достигнув ожидаемого эффекта, я решил перенести место действия в район кухни. Пока я возился с чаем, гости плюхнулись подле низкого стола на подушки, служившие у меня в качестве стульев, и усталились друг на друга.

– Слушай, ну ты прям так на меня смотришь, что я даже не знаю... – начал было друг, которому становилось несколько некомфортно под пристальным, ничего не выражающим взглядом Безымянной.

– Хорошо, – пожала плечами собеседница, отведя взор в другую сторону.

– Нет, я, конечно, не против, просто как-то всё неожиданно.

– Что именно?

– Ну... Всё. Давно вы знакомы?

– Нет, только сегодня встретились, – вмешался в разговор я, стоя к остальным спиной.

– И завтра подаёте документы на регистрацию брака?

– А что резину тянуть, ёлки-палки! Дело-то молодое, – задорно проговорил я на манер «Эх, дубинушка», при этом обернувшись да залихватски махнув рукой, мол, пропадать так пропадать.

Какое-то время друг силился что-то сказать, но слова, видимо, никак не лезли.

– Безымянная, чай будешь? – осведомился я, уже не удивляясь манере собеседницы смотреть всякому говорящему напрямиком в глаза.

– Да.

– Сахар?

– Да, три ложки.

Распределив чашки, вывалив на стол всё, что подходит к чаю в качестве закуски – от орехов до сладкого, я уселся к остальным за стол.

– А как тебя зовут? – тут же нарушил тишину друг.

– Безымянная, – серьёзно ответила Безымянная, потом вдруг бегло посмотрела на меня и добавила, – не обязательно ненавидеть голубей, чтобы именоваться Шейлой, не так ли?

– Да-а-а, я пересмотрел свою классификацию и всерьёз подумал, что для этого достаточно почти неподвижного стояния на одном месте в течение получаса. – Безымянная при этих словах скорчила недовольную гримасу. Это был исторический момент, впервые со времени знакомства она продемонстрировала способность отображать на своём лице эмоции.

– А я всегда считала невежливым хозяйничать в чужом доме, ты даже не предложил мне сесть. – Она была права, действительно не предложил. Не пришло в голову.

– Там, где присутствует вежливость, отсутствует здравый смысл. Извини, я совершенно не ожидал такого стремительного чужеродного продвижения вглубь, – ядовито проговорил я.

– Сам только что сказал, там, где присутствует вежливость, отсутствует здравый смысл. Зачем было звать к себе, если не было намерения выполнять обещанное? Я не сделала ничего сверх того, о чём спрашивала, – парировала Безымянная.

– Логично, – согласился я, тут не к чему придраться, – но как ты вообще меня нашла?

– А вот это тебя не касается, – несколько резко рубанула гостя, – я в любой момент могу распрощаться с тобой. Такая необходимость возникла?

– И куда ты пойдёшь? – Я обратил внимание на едва заметно усилившееся свечение её глаз.

– Я... не знаю, – ответила Безымянная, возвращаясь в своё обычное безэмоциональное состояние, и сделала несколько глотков чая.

– Не сомневаюсь, так что пей, не бубни.

Третий участник застолья провёл всё время нашей словесной перепалки в пристальном молчаливом изучении внешних данных Безымянной. Лично меня в ней всё настораживало. Настораживало не по причине исходившей от неё опасности, таковой я не чувствовал, а скорее из-за многих нестыковок между её проявлениями и законами внешнего мира.

Во всяком случае она не являлась плодом моего воображения, друг также имел возможность наслаждаться её обществом. Развивать тему снов наяву, загробной жизни и прочих малоизученных феноменов я не стал. Должна же быть какая-то загадка в близлежащей действительности? А то, право, без интриги как-то совсем скучно.

Кобелёк, окончательно оправившийся от первого потрясения, очевидно, пришёл к выводу о высоком коэффициенте эстетического наслаждения, доставляемого ему созерцанием черт лица, изгибов тела и скрытых под одеждой форм Безымянной, заметно оживился. Направление его взгляда прослеживалось элементарно.

– Так что же, вы правда женитесь, – спросил наконец он.

– Нет, – ответил я, и тут телефон завибрировал вновь.

Наша вечеринка фриков начинала разрастаться. У звонившего было имя по которому мы (ни я, ни Кобелёк) никогда к нему не обращались. В моей телефонной записной книжке он проходил под названием Скот Томас. Сокращённо – Скот, в случае порицания – Скотобаза, в случае особого недовольствия – Скотозавод.

– Здравствуй Скотопёс! – воскликнул я в трубку.

Скот – удивительный человек. Настолько многогранный, что даже и не знаешь, как донести его психологический портрет животрепещуще. Сама его жизнь, как и его натура, обладает таким огромным количеством завораживающих мелких фактов, что составить из них достоверное описание всё равно, что пытаться передать красоту природы, возводя памятники в её честь из кучи зловонного гниющего мусора.

За долгие годы нашего с ним общения я научился прилаживать кусочки мудрёного паззла друг к другу, но, кажется, ни на шаг не продвинулся к получению хотя бы общего представления о собираемом рисунке.

Наблюдать эволюцию Скота – удовольствие сродни тому, что я испытывал в детстве, изучая возникновение и рост плесени в чайнике с заваркой. Пожалуй, я бы назвал его поразительным человеком. Каждый раз, когда мне начинает казаться, будто касаясь его уже всё изучено, он откалывает номер, не оставляющий иной альтернативы, кроме как растерянно чесать репу.

– Вчера видел Скота, – делюсь я время от времени с Кобельком.

– И как он? По-прежнему бредит? – отвечает мне собеседник.

– Да, совсем плох, – удручённо заключаю я, заканчивая на этом обсуждение.

В известной степени то, что я собираюсь сказать о Скоте относится и ко мне, и к Кобельку, и ко многим другим. Согласитесь, ведь о своих недостатках говорить всегда скучнее, чем о чужих. Наличие хотя бы одного Скота Томаса на жизненном пути каждого необходимо. Пообщавшись с ним тридцать минут, начинаешь радоваться простым вещам, радоваться ясному уму, твёрдой памяти, видишь в нём наглядно всё то, чего никогда не хотел бы видеть в себе.

Думаю, в Млечном Пути число звёзд окажется наименьшим ежели сравнивать его с количеством увлечений Скотобазы. Путь образования, жизнедеятельности и смерти длиною в миллиарды лет они проделывали значительно быстрее скорости света. Были и исключения. Скот умел играть на пианино, трубе, гитаре, волынке, варгане, флейте, контрабасе, активно ходил на тренировки по футболу, гандболу, баскетболу, волейболу, хоккею, фигурному катанию и бог знает чему ещё. При этом фактически он не мог извлечь ни из одного вышеперечисленного музыкального инструмента сколь-нибудь приличный звук, с этой задачей, как ни странно, даже лучше справлялся любой, впервые взявшийся за инструмент.

Наряду с сомнительными музыкальными успехами спортивные достижения вызывали не меньше вопросов. Он постоянно пребывал на какой-нибудь тренировке, но никому никогда не доводилось видеть его среди участников тех или иных турниров. Поддержанию спортивной формы его бурная деятельность абсолютно не способствовала. Имея привычку пихать в себя минимальное количество здоровой пищи, Скот финансово обогащал передовых разработчиков и производителей разнообразной пищевой химии. Это обернулось наличием уже к двадцати трём годам излишних жировых образований в области живота.

Вопросами конкретизации поставленной цели Скот не интересовался, по причине этого проблематично сделать вывод о его достижениях или их отсутствии. Проекты у него были всегда грандиозны, а сквозь жизнь лейтмотивом звучали абстрактные «надо всё попробовать» и «надо интересоваться всем». А теперь возьмите и выверните обе эти аксиомы наизнанку.

Первое ещё было меньшим из двух зол. Люди с такой установкой нередко излишне самозабвенно предаются саморазрушению. Под «надо всё попробовать» подразумевалась обыкновенно очередная старческая затея. Имея в такие моменты значительное сходство со страдающими болезнью Паркинсона, Скот принимался топить пряник в чае. Получив из него жидкую

массу неописуемого цвета, он не завершал эксперимент. Мог навернуть в ту же ёмкость лапши из пакетика, бросить туда сыр, шоколад, мёд, а потом сделать себе бутерброд из всего этого, приправив получившееся кетчупом да майонезом. Полагаю, что именно из «надо всё попробовать» вытекали бесконечные озвучивания никогда не осуществлявшихся чаяний. Лучше Скота во плоти иллюстрации к картине «я умею всё, но я ничего не умею» вряд ли возможно сыскать.

Со второй аксиомой «надо интересоваться всем» дела обстояли много печальнее. Сама по себе в исправно работающих мозгах она со временем может преобразоваться в увлечение конкретным научным направлением. Скот избрал себе кумиром не великого учёного или философа, чьи труды не утрачивают актуальности сотни лет, а непонятного, не приспособленного к жизни асоциального уродца, прославившегося своим спором, что он никогда не женится, даже больше, чем теми книгами, которые он прочитал. Набив свою голову сухими фактами, кумир был не в состоянии изобрести ничего нового. Загадив свою квартиру, ни сделав ни одного открытия, он частенько мелькал на телеэкранах, комментируя без разбора всё подряд. И у этой личности при желании можно было бы чему-то научиться.

Скот так и не прочитал ни одной книги, зато свои безграничные знания он ежедневно выуживал из сайтов вроде «пипикака точка ру», а также из прочих интернет сборищ латентных маргиналов. Почерпнутая информация никоим образом не стыковалась с возникающими реальными проблемами.

Никогда не забуду, как он устроил у меня короткое замыкание со взрывом, перекрутив свисающую с потолка кухни люстру. Задача подсоединения двух торчащих проводков к новому патрону отчего-то оказалась невыполнимой. Схватившись за голову, я с ужасом молча наблюдал, как он пытается выяснить, который из этих проводков плюс, а который минус. Мои слова он как всегда игнорировал. Потом он принялся звонить знакомому электрику. В итоге Скот всё равно оказался бессилён.

Из Скота, как из чёрной дыры, не мог вырваться свет. Он являлся средоточием умопомрачительного объёма шуток и анекдотов самого низкого качества. Я никак не мог понять, воспитан ли он дурно или вообще никак не воспитан. Всего несколько минут уходило у Скота, чтобы повергнуть кого-то в шок своей бестактностью.

В два года для человека нормально садиться на горшок, а потом со спущенными штанами, а иногда и с горшком в руках бежать к маме, которая, заботливо удостоверившись в приемлемости объёмов и качества проделанной работы, ласково погладит по голове. Скот, живущий вот уже третий десяток, так до конца и не смог перебороть в себе инфантильность. Вообще, всё, связанное с горшком и пищеварением, Скот схватывал чрезвычайно быстро. Мы всячески старались наставить его на путь смены вульгарной манеры держаться в обществе, но безуспешно. Много чего ещё можно добавить к такому колоритному образу, но на данный момент целесообразность этого сомнительна.

– Поехали в кино, – это единственные, внятно произнесённые, разобранные мной слова Скота, послышавшиеся из трубки.

– Да запросто. Поедем вчетвером.

– Вчетвером? А кто ещё?

– Маленький Инфантильный Кобелёк и таинственная незнакомка.

– А кто таинственная незнакомка?

– У тебя будет возможность лично задать этот вопрос. Ну, так что, тебя ждать часа через четыре? – Скот действительно имел дурацкую привычку утверждать одно, а делать обратное. То есть мог обещать быть через некоторое время, а в итоге не приехать вовсе. Из трубки послышалось недовольное цоканье.

– Давайте собирайтесь, я за вами через час заеду.

Раньше подобное не вызвало бы во мне и намёка на удивление. Причина этого проста. Некогда мой непутёвый друг ездил за рулём другой машины. Дешёвой, зато куда более удобной

и надёжной. Затем ему взбрело в голову избавиться от неё, купить дереликтовую модель, коих в мегаполисе не более тридцати штук. Сообразно всяким его затеям покупка являлась контрпродуктивной. Средство передвижения стало менее вместительным, а посему значительно уступало исходному по удобству. Всё это ещё можно было объяснить специфическими вкусовыми предпочтениями. А вот объяснить, зачем менять то, что работает, на то, что девять месяцев в году стоит в гараже и ждёт запчастей для ремонта, можно только воспалением мозга.

Ко всему прочему стоит добавить полную непредсказуемость автомобиля. Случалось, что тормоза отказывали без видимой причины на скорости, далеко за сто километров в час, а через несколько минут начинали работать опять сами собой. Толком не отремонтировав одну едва живую железяку, Скот уже намеревался купить другую, не менее конченную.

Как я говорил, за подобными пертурбациями уследить было крайне сложно, а ещё меньше они подлежали логическому объяснению.

– Кобелёк, Скот зовёт в кино через час.

– А что там идёт? – поинтересовался друг.

– А какая разница?

– И то верно. – Наши диалоги вообще либо содержали в себе тонны желчи, либо велись образцово лаконично.

– Безымянная, ты с нами? – на этот раз я сам посмотрел ей в глаза.

– Да.

Последовавший за этим разговор не несёт в себе ни литературной ценности, ни особой смысловой нагрузки. Друг, снедаемый любопытством, пытался узнать о причинах появления у меня на кухне необычной гостыи и обо всём с этим связанным. Это ему не удавалось, во-первых, из-за ограниченности моих знаний по сути дела, во-вторых, из-за неразговорчивости Безымянной в отношении всего, что было связано с личной биографией.

Безымянная в основном вела себя так, будто никто, помимо неё, на кухне не присутствовал, изредка, впрочем, снисходя до односложных ответов. Таская со стола угощения, она искоса поглядывала на две, сидящие неподалёку мужские особи.

Особи не теряли времени даром, а решали важные стратегические задачи. Например, Кобельку совершенно невыносимым виделось пребывание в застенках зала без горячительных напитков. Его желание крепко каждую минуту, и вскоре мне стало очевидно, что без горячительных напитков ему невыносимо пребывание где бы то ни было в принципе.

Наступил один из тех моментов, о которых я ранее упоминал. Началась трагедия и ужасная пытка. Друг ну никак не мог решить, бежать ли ему за чем-то прямо сейчас, дожидаться Скота и купить по пути или же определиться в кинотеатре. Он порывался, в ту же секунду одёргивался, неоднократно спрашивал совета, заворачивая один и тот же вопрос в разные формулировки, он вскакивал, а через мгновение уже опадал, подходил к окну, закуривал, пылко распространялся о грядущем веселье.

Скот прибыл к нам быстрее, чем Кобелёк успел распутать свой клубок откуда ни возьмись выскочивших осложнений. Квартира мгновенно наполнилась беспокойной суетой. В коридоре возникла толчея, из-за неё я проморгал момент, когда Безымянная успела обуться. Она первая выскочила из квартиры, через несколько минут мы воссоединились внизу. На ней уже были надеты весьма изящные босоножки.

За эти несколько минут Скот и Кобелёк активно делились друг с другом впечатлениями о Безымянной. Людям с очень разными взглядами на жизнь это было необычайно тяжело. Если рассматривать их восприятие мира на примере любого крупного события, например, грандиозного научного открытия, то Кобелёк, действительно восторгаясь прогрессом науки, способным, допустим, в обозримом будущем сделать доступными для человечества иные миры, не приминёт интерпретировать его на свой лад. Ему будут грезиться райские планеты, по какой-то причине населённые только обнажёнными женщинами.

Скот же, абсолютно не интересуясь ни самим открытием, ни горизонтами, благодаря нему открывшимися, станет педантично допытываться, а какой галстук был на учёном в момент открытия? А что он съел на завтрак? А с какой ноги он встал? Начался ли его день с почёсывания уха или лба? Какой звук издаёт сигнализация его машины? Сколько этажей в его доме? Любит ли он скакать на одной ноге и хлопать в ладоши? И, наконец, самое для Скота важное, сколько раз в день он посещает клозет по тем или иным причинам? Скота удовлетворил бы только самый доскональный отчёт.

Диалог Скота и Кобелька всегда иссякал через пару минут вместе с терпением последнего. «Ну ты и придурок», – исключительно не злобно, а скорее ошарашенно, в сердцах говорил Кобелёк, махал рукой и отворачивался.

– А может быть, позовём Альбатроса? – Обратился Кобелёк ко мне, закрывавшему в то мгновение квартиру.

– Соберём всех крипов окрестности? Пожалуй, можно. – Сперва Кобелёк, потом Скот, а теперь ещё и Альбатрос. Зоопарк на гастролях, где у каждого своя исключительная роль. Моя – старого, ворчливого, вечно недовольного сторожа. – Звони ему, скажи, что сейчас за ним заедем.

Биографии каждого отдельно взятого жителя планеты довольно схожи. Все когда-то родились, кое-как воспитывались, худо-бедно самообразовались, в основном женились или вышли замуж, пополнили популяцию приматов, да в конце концов преставились. Вырванная из цельной композиции история приобретает черты индивидуальности, делающие жизнеписание отнюдь не таким прямолинейным и очевидным, каким оно представало изначально.

Головокружительные взлёты и стремительные падения Альбатроса, пожалуй, не оставляли никого равнодушным. Талантливый программист и добросовестный работник. Его звезда воссияла довольно рано. Пока мы прожигали жизнь восемнадцатилетними оболтусами, Альбатрос в поте лица зарабатывал свой первоначальный капитал.

Ему был присущ сверхматериальный взгляд на мир да вытекавшая из того железная логика, в свою очередь побочным продуктом которой являлась неуместная упёртость, за которую Альбатрос зачастую расплачивался своим здоровьем. При бесспорной обширности интеллектуального багажа Альбатроса, уровень его социальной адаптации, впрочем, как и житейский опыт оставляли желать лучшего.

Альбатрос Мутант – так мы именовали между собой знакомого программиста. Черты его лица действительно имели сходство с хищной птицей. Слово «мутант» приклеилось чуть позже после недельной истории с роликовыми коньками, главным героем которой Альбатрос и заделался.

Лет семь назад, после долгого перерыва, я снова встал на роликовые коньки. Для этой цели я избрал простую, дешёвую, но довольно удобную пластмассовую модель. Катался я по вечерам в небольшой компании друзей. Решивший приобщиться к нашим вечерним рейсам Альбатрос, никогда не стоявший ни на роликовых, ни на зимних коньках, вопреки всеобщим советам и наставлениям купил себе средство своей гибели, а не увеселения.

Помимо наличия дорогостоящих материалов, модель Альбатроса щеголяла исключительного качества подшипниками, способными разогнать любое тело на ровной поверхности до шестидесяти километров в час от лёгкого дуновения ветерка. Каждый раз, когда Альбатрос надевал своё приобретение на ноги, в моей голове очень громко начинало звучать диско. Оно звучит даже тогда, когда я просто вспоминаю об этом.

Поверьте, корова на льду обладает невыразимой грацией в сравнении с тем, что продемонстрировал Альбатрос. Начнём с того, что ему вообще было тяжело встать с лавки, ибо его ноги сами собой начинали разъезжаться в разные стороны со скоростью звука. Потратив полчаса, Альбатрос умудрился встать и к всеобщему ужасу поехать. Процесс езды он не контролировал никак, а только лихорадочно пытался поддерживать равновесие, неистово разбрасы-

вая руками-крыльями в разные стороны. Обычные альбатросы так крыльями не машут, на это способны только альбатросы мутанты!

Характерное для Альбатроса мышление двоичным кодом сказывалось в повседневной жизни отсутствием мимики да топорными жестами железного дровосека. И вот Оно поехало! Даже не поехало, а барахталось в случайном направлении, ежесекундно путаясь в ногах и рискуя рухнуть на землю. Оно ехало и словно танцевало так, как если бы не было завтра, как если бы кто-то врубил на полную катушку УМСА, как если бы оно служило регулировщиком на авианосце и ему нужно было посадить сто истребителей за десять минут, будто своими размашистыми движениями оно старалось послать сигналы в открытый космос.

Спустя неделю, так и не научившись уверенно преодолевать по прямой и десяти метров, Альбатрос заявил, что кататься по одним и тем же аллеям ему наскучило. Он поведал о своём намерении в самое ближайшее время отправиться осваивать новые территории. Кто-то из его знакомых пригласил Альбатроса, скажем так, туда, где ему пока рано было кататься.

Мы пытались предотвратить безумную затею, но наши доводы оказались неубедительными. Самое крупное опасение вызывала смесь двух незначительных деталей. Неумение Альбатроса контролировать вектор своего направления, а также наличие очень плотного людского трафика на территории, где собирался опробовать свои силы неоперившийся Альбатрос.

Вечером того же, что и злополучная прогулка, дня он позвонил на сотовый, сообщив о своей скоропостижной госпитализации, о внутреннем кровотечении и о переломе коленного сустава, вывернутого против часовой стрелки. Гипс не снимали месяцами. Года полтора потом Альбатрос хромал по миру при помощи трости. С той поры и до сих пор он ни разу не катался на роликах. Память о его зажигательных произвольных танцах и удивительном тупоугольном чувстве ритма жива и поныне.

Последнее в симбиозе с абсолютным отсутствием слуха сводило на нет любые порывы души Альбатроса. Неважно, какая музыка играла, он всегда исполнял танец подобно тому, как изображают паровозик дети, играя в детском саду. Независимо от стиля, в котором Альбатрос изо всех сил старался исполнить песню, его голос всегда громогласно гремел, как у взбравшегося на дерево за мёдом медведя, изжаленного пчёлами, рухнувшего вниз, угодившего ещё ко всему прочему в капкан.

Зависнув на уровне Ньютоновской парадигмы, Альбатрос пытался построить точную-преточную картину мира. Постепенно сведя все связи с внешним миром до речевого аналога нуля и единицы, он в итоге заявил, что уедет в Америку и изобретёт там вечную жизнь.

Альбатрос крайне туго мог рассчитать, какое действие нужно совершить с какой силой. Перемещаясь на своих двоих, он имел всего две скорости, сверхбыструю и нулевую. Завидев кого-то из знакомых, он с таким видом начинал сближение, что уже не вызывало сомнений: Альбатрос идёт на таран. Каждый раз он останавливался на максимально близком расстоянии от собеседника, при этом покачиваясь в разные стороны некоторое время, будто пружина.

Так было со всем. Альбатрос старался в силу каких-то причин делать всё стремительно, хищнически, экспансивно. На педаль газа он давил от всей души, как следует разогнавшись, наш бравый знакомый нажимал на педаль тормоза с не меньшим энтузиазмом. Это совершенно штатная ситуация, при каждом таком торможении содержимое багажника его джипа, перелетев задние и передние сидения, сползало вниз по лобовому стеклу. Наплевательски относящиеся к своей безопасности люди, поездив с Альбатросом, мгновенно обучались пользоваться ремнями безопасности, будучи даже на заднем сидении.

С поворотами тоже возникали осложнения. Самыми коварными были длиннющие заезды и съезды на эстакады. Очень трудно не въехать в тот или иной край дороги, если умеешь поворачивать только под прямым углом. Альбатрос явно не любил почти всё плавное, неясное, субъективное.

Машина страдала часто. Услугами сервисов друг из идейных соображений не пользовался. За какие-то немислимые деньги он договаривался с откапываемыми им самим очумелыми ручками. После таких вмешательств ремонтируемое не ремонтировалось, а работавшее до этого исправно переставало работать.

Классический пример горя от ума. Человек посвятил себя тяжёлым думам настолько, что даже слетел с катушек. Окончательно Альбатроса подкосило решение не употреблять алкоголь, табак или лёгкие наркотики. Подпилив сук, на котором он сидел, убрав немногие, способные воздействовать на него расслабляюще вещи, Альбатрос одичал.

Его глаза потухли, вместо престижной и перспективной работы появилась низкооплачиваемая и рутинная. Новая машина так и не была куплена, а старая продана, ремонт в квартире не сделан, первоначальный капитал спущен неизвестно куда. Речевой аппарат из-за отсутствия общения с живыми людьми начал атрофироваться.

Альбатрос чах на глазах, но никто и ничто не могло способствовать его выздоровлению. Пить и курить он отказывался, а таблетки, прописанные врачами, никак не помогали. Ни о каком спорте не могло быть и речи. Гений Альбатроса терпеть не мог всех этих недалёких с его точки зрения бегунов, прыгунов и атлетов. Через какое-то время вокруг Альбатроса образовался вакуум. Изредка видя его на улице, знакомые справлялись о делах. «Да», – не своим голосом отвечал Альбатрос после долгого обдумывания вопроса, как если бы он последние двадцать лет жил где-то в глухом лесу.

В состоянии овоща (хотя, конечно, Альбатрос сам так не считает) он провёл года полтора. Близкие родственники, а тем более друзья уже оставили всякую надежду на какое бы то ни было улучшение. Не то, чтобы его совсем забыли, не вспоминали, просто всякий диалог с Альбатросом становился каторгой, а это влекло настойчивое желание свести встречи с ним к минимуму.

Насколько медленно развивалась болезнь, настолько же стремительным и неожиданным оказалось выздоровление. В один из морозных зимних вечеров я и Кобелёк шатались по пустынным, заснеженным улицам. Мы было собирались расходиться по домам, как вдруг на горизонте, расправив свои могучие крылья, выставив свой хищный клюв вперёд, нарисовался Альбатрос. Он пикировал в нашу сторону. Удивительным открытием стала для нас вновь теплившаяся в его глазах жизнь.

«У меня дома есть бутылка вина, пойдёмте выпьем», – донеслось из клюва. При этих словах Кобелёк пустился выделять весьма загадочные па, полагаю каждый из народов нашёл бы в этом танце что-нибудь знакомое.

С тех пор Альбатрос взял курс на выздоровление. Карьера пошла в гору, появились мечты, планы и цели, речь стала восстанавливаться. Альбатрос с удовольствием принимал участие в каких бы то ни было посиделках. Конечно, он не стремился приложиться к горячительному при любом удобном случае, но в ограниченных дозах оно воздействовало на него крайне благотворно.

Так что с недавнего времени Альбатрос снова сделался завсегдатаем нашей небольшой, но активно разрастающейся компании. Будто давно забытое видение, я опять имел возможность наблюдать диалоги Кобелька и Альбатроса о возможности построения альтернативных космологических моделей вселенной методом кубической компьютерной гиперболы, о наличии в построенных моделях роботизированных форм жизни, а также о жизнеспособности таких форм в целом и их недостатках перед тотально органическим телом. Почему-то в основном женским.

За ходом дискуссии всегда было интересно наблюдать. Заканчивалась она под утро, в пятом или шестом часу. Никто из участников и наблюдателей не мог припомнить, с чего всё начиналось. Конец всенепременно был в высшей степени дружелюбным. Несколько нетвёрдой, шатающейся походкой гости разбрелись по домам.

– ОК, сейчас позвоню, – спокойно проговорил Кобелёк, доставая из кармана трубку.

– Здорово, Альбатрос! – послышалось у меня за спиной через несколько мгновений, когда мы спустились вниз по лестнице.

Безымянная встретила нашу вывалившуюся из подъезда компанию характерным для неё взглядом. За счёт скрещенных на груди рук его испепеляющий эффект многократно усиливался.

– Замечательно, ты успела переодеться, лифты нынче так долго ездят или пространство позади мусоропроводов расширили и превратили в раздевалки? – Помимо босоножек на Безымянной были аналогичного что и прежде цвета, но совершенно другого, куда более свободного и лёгкого фасона штаны. – Где ты прячешь свой гардероб?

Нарочито непонимающе Безымянная стала осматривать свои ноги. Кобелёк, увлечённый беседой по телефону, не слышал моих слов. Мимо Скота Безымянная пронеслась на выход тем же манером, что не так давно мимо меня на вход, естественно он не успел обратить внимание на то, в чём она была одета.

– Я поеду впереди, – властно констатировала Безымянная по приближении к машине.

– Договорились, тогда треки переключать тоже будешь ты. Смотри, не позволяй Скоту притрагиваться к музыке, – Безымянная посмотрела на Скота взглядом убийцы, внимательно изучающего метрику будущей жертвы.

Через несколько минут в салон прилетел Альбатрос, покуда он совершал посадку на заднее сидение, Кобелёк успел совершить набег за всем ему необходимым. Альбатрос плюхнулся посередине, я сидел позади Безымянной, а Кобелёк за спиной водителя соответственно. Странности продолжились.

– Я вам сейчас такую композицию поставлю, – сказал Скот, его левая рука потянулась к кнопке смены музыкальной дорожки, но тут неожиданно для всех Безымянная с такой силой огрела её ударом своей пятерни сверху вниз, что с ускорением полетевшая ко дну салона конечность увлекла за собой всё тело. Правая рука, находившаяся на руле, дёрнулась вслед за корпусом влево.

– Ай, больно же! – голос Скота был переполнен нотами удивления.

– Всегда мечтал так сделать, – безжалостно сказал я, пока машину лихорадило то вправо, то влево.

– Ух как хорошо ты его, – засмеялся Кобелёк, пытаясь не пролить начатый напиток.

– Блин, знаешь, как болит? Попроси её тебя так же стукнуть, – возмущался Скот.

– Да ладно тебе, не бубни, следи за дорогой, – успокаивал Кобелёк.

– Дай сюда, – скомандовала Безымянная, сгребая при этих словах ушибленную руку Скота. Повертев и пощупав её несколько секунд, она заключила, – не переживай, перелома нет. Через пару минут перестанет болеть.

– Безымянная, держи флешку, включай с неё наш плейлист, – высунулась вперёд моя рука.

– Хочу Бэрри! – капризничал Кобелёк.

– Да, включай Бэрри Уайта, – попросил я.

– Не переживайте я разберусь, – словесно пресекла Безымянная попытки постороннего вмешательства в её взаимодействие с техникой.

С задачей она справилась блестяще.

– Как жизнь, Альбатрос? – успел спросить Кобелёк.

– Хорошо, – прозвучал ответ, сопровождаемый вступительными аккордами нашей любимой «Let the music play».

И вот мы едем по ночному городу с открытыми окнами и слушаем Бэрри Уайта. Слушаем только первые полминуты, а потом я и Кобелёк начинаем петь. Оставшаяся часть мужского народонаселения салона вскоре начинает стараться негромко подпевать. Мне кажется, что если

меня связать по рукам и ногам, заткнуть рот кляпом и включить Бэрри Уайта, то я просто сожру кляп, из чего бы он ни был сделан, но петь всё равно буду.

Безымянная оказалась крайне способным звукорежиссёром. Давно я не получал такого удовольствия от наших рейсов. Одна мелодия сменяла другую, не успевая наскучить. Скот не делал попыток повлиять на последовательность звучания. Мы не прекращали петь всю дорогу. Поскольку я давно не упражнял свой голос, то к концу почти получасового путешествия он был сорван.

Надо отметить, что подобные прогулки действовали на меня крайне благотворно. Езда, мельтешащие мимо неоновые огни, хорошая музыка, заставляющая петь в полную силу, не стесняясь. Я как-то резко добрел. Верши я судьбы мира аккурат после такой вот прогулки, то, пожалуй, процент необходимого истребления человеческой популяции упал бы с девяносто пяти до семидесяти процентов. Кажется, совсем давно минули времена, когда поход в кино был целым событием. Все кинотеатры тогда помещались в отдельных зданиях и не вели никакой деятельности, помимо демонстрации фильмов. Из-за наличия в них только одного зала нужно было заранее подгадывать сеанс, если хотелось попасть на определённый фильм. Зато, как правило, с удобными сидениями и изумительным звуком.

Современные дешёвки встраиваются нынче в каждый торговый центр. Точно таким же манером возникали в былые времена на любой ярмарке балаганы. Не в последнюю очередь благодаря им раскрылось множество талантов, а посему как к ним, так и к нынешним комплексам, соревнующимся между собой всё большим числом залов при всё меньшем их размере, у меня сложилось неоднозначное отношение.

Парковка не заняла много времени, мы приехали аккурат к началу сеанса и, возможно, даже успевали на рекламу. Такому идеализированному варианту развития событий не суждено было осуществиться, потому что (вот неожиданность!) фантастическое средство передвижения Скота в очередной раз сломалось.

У машины было всего две двери, открывались они вверх, ехать трём особям мужского пола на заднем сидении – адская мука. Неудобно ни садиться в машину, ни вылезать из неё. Уж не знаю, да и не хочу знать, что конкретно приключилось с этим куском металлолома, но одна из дверей начала таинственно постанывать, кряхтеть, дёргаться и вести себя так, будто готова вот-вот отвалиться. Закрыть её, судя по всему, возможности не было.

Как всякий уважающий себя примат с образом мысли истинного девяточника, Скот нырнул под дверь с набором гаечных ключей наперевес. Вокруг было полно парковочных мест, но наш водитель предпочёл находившееся напротив помойки. Удачное расположение машины делало действие по её починке особенно символичным.

Ни один мускул не дрогнул на лице Безымянной, казалось, больше озабоченной изучением домов вокруг нас. Альбатрос скрестил руки, свесил голову на грудь и впился своими хищными глазками в спину Скота. Мы с Кобельком торжественно гоготали и злорадствовали.

– Тебя за ноги подержать? – любезно спросил я.

– Лучше дверь подержите, – донеслось снизу.

Принуждённым аристократическим жестом Кобелёк брезгливо дотронулся до холодной поверхности металла и тут же поморщился, ибо его рука была безнадежно испачкана.

– Спасибо, – кряхтел Скот.

Дело, к которому, пожалуй, никто, помимо Скота, не питал интереса, явно затягивалось. Бравый ремонтник вымазался в смеси машинного масла и пыли по локоть. Никакой иной поддержки, помимо моральной, я оказать ему не мог. Исходя из этого, я ставил под сомнение целесообразность своего нахождения между двух помоек, одной железной, а другой химико-органической.

Выступить в составе авангарда со мной неожиданно вызвалась Безымянная. Я уже не надеялся достать билеты на приемлемые места, а просто хотел купить то, что осталось.

Вдвоём мы отправились на промысел, оставив Скота на попечении необходимого числа рук, дабы помогли ему, и ртов, дабы было с кем поболтать.

– Скот – идиот, – в своей необыкновенно «эмоциональной» манере брякнула Безымянная, стоило нам чуть отдалиться.

– Ой ли? – недружелюбно скосил я взгляд в её сторону. Мой язык не щадил никого из близкого окружения, а тем более за его пределами. Отношение к посторонним, нарушающим мои исключительные права на метание грязи в друзей, было резко негативным.

– Я подумала, тебе будет интересно знать, что я разделяю твою точку зрения.

– Я предполагал в тебе наличие мыслительной способности, но впервые она проявлена тобой так открыто. – Безымянная собиралась что-то сказать, но я перебил её. – Кстати, я абсолютно уверен, что тебе ещё не доводилось слышать, как кто-нибудь из нас называет Скота подобным образом.

– Нет, не доводилось. Вывод напрашивается сам собой.

– Напрашивается. – Что я мог возразить? Действительно, напрашивается.

– Так чем ты недоволен?

– Плагиатом. Скот не испытывает нехватки людей, обращающихся с ним будто с полумным, в их стане не предвидится вакантных мест в ближайшее время. Расширение штата – опция, рассмотрению не подлежащая, – деловито заявил я.

– Хм, – таинственно умолкла Безымянная.

Пяти мест рядом не оказалось. Руководствуясь планом зала, я заботливо выделил самое неудобно расположенное кресло Скоту. Паршивость оставшихся четырёх была примерно одинаковой. Два располагавшихся рядом места были зарезервированы под Кобелька и меня. Безымянную и Альбатроса пришлось сажать поодиночке на некотором удалении друг от друга.

Откровенно признаться, я сам до конца не понимаю своих мотивов, когда дело доходит до посещения кино. Видимо, это трибьют остаткам затухающего во мне стадного чувства. Я никогда не читал рецензий, не спрашивал чьих бы то ни было советов, прежде чем пойти на фильм. Изредка обсуждал я ранее просмотренное. Случалось такое обычно в новой компании при необходимости поддержать разговор.

Переваривая очередную картину, я всё время невольно вспоминал Скота. Он страдал тяжелейшей формой синдрома поиска глубокого смысла, заставлявшего меня радоваться запрету на продажу в стране огнестрельного оружия, иначе я пристрелил бы беднягу, избавив его тем самым от столь несуразных логических построений, коими он донимал нас всякий раз после финальных титров.

Альбатрос воспринимал все фильмы критически, но молча. Кобелёк на протяжении сеанса поглощал, убежал метить территорию, возвращался с новым пластиковым стаканчиком, блаженствовал некоторое время, потом страдал и убежал вновь.

Вокруг Безымянной мистическим образом возникла мёртвая зона. Впервые я видел людей, добросовестно отключавших на время просмотра мобильные телефоны, стоило только Безымянной сфокусировать свой взгляд на ком-то. Схожий эффект подавления стадного поведения взгляд оказывал на жующих, кашляющих, блеющих и ржущих. Всякая тварь стремилась отпрянуть от Безымянной, будто от источника огня. Она в считанные минуты выдрессировала окружение в радиусе пяти метров от себя, не прилагая к тому особых усилий. Это меня позабавило куда больше самого фильма. Бедняги даже не смеялись со всем залом, постоянно пребывая в каком-то молчаливом напряжении.

Превыше всего я ценил в любом фильме реалистичные спецэффекты, а не такие, где поезд врывается на полном ходу в едущий навстречу пикап, а затем, сойдя с рельсов, взмывает ввысь на манер реактивной ракеты. Водитель пикапа, естественно, выживает. Смотрится такое эффектно, но пахивает Скотом Томасом.

Остросюжетные ленты про приступ аппендицита в вагоне застрявшего под землёй поезда с вытекающей отсюда моральной дилеммой навевали на меня тоску. Драмы о тяжёлом положении императорских пингвинов в тайном концентрационном лагере Северной Кореи, а также о сверхсекретной спасательной операции принуждали недоумевать.

Ближе к концу, конечно, выяснятся благие намерения корейцев, пытавшихся привить вымирающим пингвинам геном курочки для увеличения плодовитости. Пусть уж сразу по шестьсот-семьсот яиц в день несут, чего уж там! Моральная дилемма в этом случае приведёт к тому, что главный злодей в конце скажет: «Мы должны выполнить приказ, Джон!» «Я не могу этого допустить, Бил! Пингины будут жить!», – ответит протагонист, в финальной схватке из последних сил побеждающий противника коварным выкручиванием соска.

Предложенный сценарий многофункционален. Это может быть боевик, описанный выше. Может быть фильм ужасов, если эксперимент пойдёт не так и прибывшие на место командос обнаружат изглоданные трупы учёных. События могут разворачиваться как в «Роковых яйцах», тогда это будет уже фильм-катастрофа. По вкусу можно приплести сюда инопланетян с их технологиями и получить фантастику. Можно порадовать любителей психологических триллеров, душераздирающе рассказав о сошедших с ума учёных, работавших над экспериментом. В любом случае спасти кого бы то ни было вполне реально отправить сборище девиц в обтягивающих костюмах и мужиков в нижнем белье поверх трико, объединённых в какую-нибудь лигу. Да, чуть не забыл, всенепременно добавить надпись: «фильм основан на реальных событиях».

Из такой белиберды получится даже фэнтези. Достаточно хотя бы части пингвинов оказаться из параллельной вселенной. А коль один из учёных окажется зоофилом и влюбится в своего подопытного, то при наличии у первого жены и детей мы получим любовную драму. При наличии жены и детей ещё и у второго, а также открыв хотя бы у одного из действующих лиц тайную гомосексуальную связь с другим работником объекта, мы получим «Оскар» за лучший фильм.

Претендовать на серьёзность в том месте, куда люди приходят почавкать, посмеяться и просто в надежде, что подруга сегодня соблаговолит остаться на ночь – чистое лицемерие. Лицемерие – аплодировать стоя авторскому фильму о судьбе беженцев на каком-нибудь кинофестивале, а потом, ничего не предпринимая, возвращаться в свой пентхаус на машине с водителем после жаркой дискуссии на пресс-конференции.

Имей я возможность угробить десятки, а то и сотни миллионов на сомнительное творчество, то мой фильм, снятый одним блестяще отрепетированным дублем, длился бы часа три с половиной. Помимо летящих в разные стороны оторванных конечностей, взрывов, стрельбы и разрушений там не было бы ничего. Досталось бы всем.

По окончании сеанса мы молчаливо покидали зал. Скот, из нашей мужской четвёрки зарабатывавший больше всех, тративший львиную долю своих средств на бесперспективный ремонт, принялся мародёрствовать, собирая ёмкости с недоеденным попкорном. Эту привычку он приобрёл относительно недавно, что свидетельствовало о всё возрастающей силе наружных проявлений обитавшего внутри мелочного скупердяя.

На подступах к автотранспорту мне стало очевидно, что Кобелёк вновь испытывает муки, но на этот раз муки голода. То был редкий момент моей и Альбатроса Мутанта стопроцентной солидарности с Кобельком. Скотопёс не имел ни малейшего шанса сопротивляться многократно превосходящей чужой воле. Безымянная не вмешивалась.

Побурчав себе под нос нечто нечленораздельное и тихонько, должно быть, в знак протеста, рыгнув, Скот уселся за руль. Ближайший, почти круглосуточный храм резиновых котлет, безвкусных булок и силиконовых колбасок на машинном масле располагался через дорогу от кинотеатра. Всё было сделано ради удобства клиента. Не надо было отрываться от сидения

машины ни для оформления заказа, ни для производства расчётно-кассовых операций, ни для получения провизии, сгружавшейся прямиком в салон машины.

Моя фантазия разыгралась, пока мы перемещались со стоянки и простаивали в очереди из машин, я стал прикидывать в уме, возможно ли при условии бесплатной раздачи аналогичной еды извести мало-мальски значительное количество вечно ремонтирующих своих железных коней автолюбителей, и клюнет ли на это Скот? Быстро придя к выводу, что еду можно вовсе не переводить, а с большим успехом объявить бесплатную раздачу запчастей. Теоретически свалившееся счастье могло иметь достаточную силу, способную вытеснить из мозга всякие мысли о еде, сне и прочих потребностях. Где-то вдалеке маячил ничтожный шанс быть кому-то покалеченным, а ещё лучше раздавленным из-за бракованных домкратов или других непредвиденных ситуаций.

Впрочем, всё это только мечты. Ещё в детстве аналогичные опыты на голубях дали отрицательный результат. Мне было интересно, станут ли они до беспамятства есть хлеб, если дать им его в неограниченном количестве. Может ли их стошнить и помрут ли они от перенасыщения? С тех пор голуби мне разонравились совершенно.

Набив сумку десятком свежих батончиков, я отправился высматривать подопытных. Как в каком-нибудь детективе, я так и не нашёл голубей, зато они нашли меня сами. Стоило мне только бросить немного хлеба посреди улицы, как один представитель с характерно интеллектуальным выражением выпученных глаз орлом спикировал вниз из верхних слоёв атмосферы, оставляя за собой реактивный шлейф.

Совершив пешую прогулку, бессмысленно урча и выворачивая голову под разными углами, голубь начал поедать наживку. Я тогда понял, почему некоторые люди любят кормить этих птиц, ведь они едят так, словно стараются со всего размаху приложиться головой об асфальт, но клюв им постоянно в этом мешает.

Лично я могу объяснить феномен превращения частной трапезы одного голубя в обширную клубную вечеринку с сотнями гостей исключительно телепатией. (Отдалённо похожий эффект на людей достигается раздачей в один из праздников гречневой каши.) В результате пернатые создания съедали одним им ведомую норму, а затем, расправив крылья, преспокойненько покидали банкет. Я негодовал. Опыт провалился.

Несколько позже утешение пришло ко мне обрывками информации о возможности закормить какую-то породу кошек, а не то собак. Добыть такую и проверить слухи на практике мне не удалось.

Наша дружная компания всё ещё не решила вопрос относительно объёмов предстоящего заказа, когда слева от нас в ярко светящемся окошке нарисовался лик Дульсиinei Тобосской. За минувшие четыре столетия она ничуть не изменилась. Излишне полная, возбуждавшая своей красотой желание вырвать себе глаза, бьюсь об заклад, изысканно пахнущая, своим ласковым, железобетонным, прямолинейно крестьянским голосом она, не глядя, изъявила желание принять у нас заказ.

Потом Дульсиinea встретила взглядом с Безымянной, ибо руль в машине Скота находился справа. Взгляд оказал своё типичное расколдовывающее воздействие. Первым делом к Дульсиinee вернулись королевская дипломатичность и дворянская учтивость. «Да уж, в наш заказ никто точно не плюнет, Дульсиinea за этим проследит», – подумал я.

Скот, пожалуй, излишне трепетно относился к чистоте своего средства передвижения. Его не смущали вечно валяющиеся на заднем сидении тряпки, вымазанные в масле, тошнотворно пахнущий дичайшей смесью растворителя с бензином салон, постеленные под ногами вместо ковриков газеты. Уверен, отсутствие последних вызвано вопросами экономии, за их чистку на любой мойке дерут баснословные, по меркам Скота, деньги.

Выгонять нас на прокорм вон – деяние такое же мудрое, как ставить рядом с выгребной ямой табличку «Внимание! Посторонние предметы не бросать! Мухи расстраиваются и впадают в депрессию!».

Откровенно говоря, мне было безразлично, где именно поглощать приобретённое, я просто не мог упустить очередной повод подонимать колкостями Скота. С набитым ртом это давалось нелегко, и вскоре мне пришлось остановиться из-за возникшей необходимости сконцентрироваться на каком-то одном виде деятельности.

Полночный шабаш. Праздник живота. Богатая вкусовая гамма противоестественного происхождения на языке. Еда, падающая пушечными ядрами прямиком во чрево, сковывала наши движения приятной тяжестью. Разливающееся изнутри по организму тепло. Минуты полной концентрации воли и космической пустоты в голове в совокупности с единственным стремлением продолжать банкет.

Четыре отчаянно чавкающих гнома и страдающая специфической, неизвестной науке формой аутизма Белоснежка, объявившая голодовку. Стоя спиной к нам на расстоянии десятка шагов, Безмянная, видимо, составляла в голове топографический план местности исходя из своих загадочных соображений. Я всё ждал минуты, когда она надменно прострёт вперёд перст и властно, с полной убедительностью на которую способны только душевнобольные, не без искренней веры в собственные слова, заявит: «Жалкие людишки, теперь эта планета принадлежит мне!»

Тёплая погода вместе с лёгким южным ветерком манила отправиться в ночную авантюру. Безоблачное небо, полное блёклых из-за света городских огней звёзд, настраивало на романтический лад. Почти повсеместно потухшие окна уродливых однотипных домов скрытно наблюдали за событиями на занятой одними нами парковке. Всё прилегающее к ночной импровизированной сцене не обнаруживало высокой плотности зрителей и актёров на эпизодические роли, что вселяло веру в собственное могущество. Редущая вереница быстро отъезжающих от места синтеза каучуковой пищи машин, изредка проносящиеся по соседней магистрали запоздалые путешественники да тут же скрывавшиеся в сумраке окрестных подворотен спешащие домой жители.

– А давайте поедим в клуб, – не отрывая подбородка от груди, озвучил наболевший вопрос Альбатрос Мутант.

Все перевели взгляд на вдруг заговорившую сверхпоследовательную вычислительную машину с мощностями суперкомпьютера. Мужская часть коллектива балансировала между горячим согласием и острым сомнением, как готовый сорваться то в одну, то в другую сторону канатоходец.

В клуб хотели все, этого никто не отрицал, но попасть туда с Альбатросом было делом нелёгким. Объяснить это можно, проведя аналогию с парадоксом Ахиллеса и черепахи. Альбатрос постоянно стремился куда-нибудь, однако, достигнуть конечной цели при безусловном её приближении всё никак не мог. В самый последний момент цель ускользала от незадачливого любителя ночной жизни.

Обладай сия птица умом тривиальным, а не возвышенным и утончённым, причина открылась бы моментально. Последняя попытка Альбатроса проникнуть на желаемую территорию вызвала культурный шок не только у персонала заведения, но и у видавшего виды Кобелька, пытавшегося по своей душевной доброте способствовать пересечению границы.

Совокупность отдельных мелких деталей в образе потенциального посетителя складывалась в отталкивающее зрелище. Мешковатая неопрятная одежда совсем не выгодно облачала упавшие хиленькие плечи только что вылупившегося птенца. Не поддающаяся оценке презентабельность впавшей грудной клетки, очаровывающие босоножки, водружённые на сомнительного вида носки. Растрёпанные, хоть и короткие волосы, по которым прошёлся неопишущей силы ураган, навевали воспоминания об одичавшем Маугли. Левую руку Альбатроса вместо

аксессуаров украшал дешевый пакет из какого-то продуктового магазина. Из глубин этого бесформенного пакета вырывался отчётливо уловимый предательский звон стеклотары. В правой руке Альбатрос, заблаговременно откупорив бутылку, сжимал типичного представителя той самой стеклотары.

Нынче скрещенные руки Альбатроса, совершенно свободные от всякого груза, гордо покоились на груди. Это несколько успокаивало, но окончательно не убеждало в благополучном исходе дела.

– Я тоже хочу в клуб. – Наши сомнения, уступив место жгучему любопытству, развеялись без следа вместе с произнесёнными словами. Их автором стала Безымянная.

В Безымянной произошла очередная перемена, характерная для актёров даже не второстепенных, а третьестепенных ролей, играющих, положим, на детском утреннике в первом акте ёлочку, а во втором заборчик. То есть она была очевидной и одновременно максимально коварной, а главное совершенно неожиданной.

Выбор увеселительного заведения происходил в форме дебатов уже непосредственно в машине. Альбатрос и Скот единодушно настаивали на посещении какой-то типовой сельской дискотеки, в то время как Кобелёк и я, осознавая неповторимое величие момента, настаивали на более тщательном выборе пункта назначения. Голос Безымянной явился решающим.

На пути к месту, где стоимость кофе равнялась половине месячного дохода львиной доли народонаселения приходилось часто останавливаться и ждать, пока очередная вылазка Кобелька завершится. Вылезал он с двумя целями: к прельщавшему его свету открытых круглосуточно палаток и магазинчиков или скрывался в ночном сумраке за ближайшим домом, ныряя во тьму растительности.

О своём бодром расположении духа мы повествовали миру через необычайно громко играющую музыку, сопровождаемую нашими песнопениями. Чем ближе мы подъезжали к финишу, тем более сосредоточенной становилась Безымянная. Думаю, к реальному миру эта сосредоточенность не имела никакого отношения. На роскошном автотранспорте Скота мы не стали подъезжать напрямик к клубу, а потом вываливаться во внешний мир через неудобные двери, триумфально кряхтя.

Парковка прошла в штатном режиме. Как-то совершенно незаметно для всех Безымянная первая юркнула вон из машины. За те мгновения, которые она не присутствовала в поле зрения кого бы то ни было из нас, надетое на ней таинственным образом в который раз переменялось. Преображение было вопиющим настолько, что даже стоически борющийся с икотой Кобелёк почуял неладное и попытался сфокусировать затуманенный взор. Всякое произвольное движение диафрагмы заставляло его начинать труд с нуля.

Из меня так и лез какой-нибудь едкий комментарий по этому поводу. Мне было забавно наблюдать за реакцией друзей наконец-то заметивших определённые странности в поведении спутницы.

Несколько мгновений спустя я молча направился в нужную сторону, не удивляясь тому, что Безымянная последовала за мной, оставляя большую часть компании в крайней степени недоумения и задумчивости.

Безымянная шла сбоку, подле меня. Такое соседство производило очень неоднозначное впечатление. Я определённо чувствовал рядом с собой нечто чужеродное человеческому разуму. Гигантскую, неведомую силу, внушающую скорее суеверный трепет, нежели научный интерес. Будто вот-вот соприкоснёшься с чем-то недостижимым, а потому особенно жутким и захватывающим. Будто ты силишься пересечь горизонт событий чёрной дыры или наблюдаешь гибель звёздной системы из-за гравитационного коллапса солнца.

Незримая сила, источаемая самим её существом, была чудовищна, но, по непостижимой причине, не опасна. Обычному человеку, вроде меня, она виделась безграничной. Каким-то образом я знал, что фокусы с мгновенным переодеванием – это такая безделица, на которую

не стоит обращать внимания вовсе. Я терпеливо ждал чего-то действительно потрясающего – грандиозного зрелища, не виданного доселе ни одним смертным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.